

ПУШКИНСКАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вып. 1

А – Д

УДК **821.161.1 Пушкин.06**
ББК **83.3 Р1-8 Пушкин А.С.**

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой
программы «Культура России»

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Проект № 07-04-16123д

Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1. А – Д. –
СПб. : Нестор-История, 2009. – 520 с.

ISBN 978-5981-87375-1

Настоящая книга открывает серию тематических выпусков «Пушкинской энциклопедии», посвященных творчеству А. С. Пушкина. Она включает расположенные в алфавитном порядке статьи, содержащие подробные историко-литературные характеристики пушкинских произведений.

УДК 821.161.1 Пушкин.06
ББК 83.3 Р1-8 Пушкин А.С.

В процессе научной подготовки издания финансовую поддержку оказал
Челябинский государственный университет

Редколлегия издания

Виролайнен М. Н., Карпеева О. Э. (секретарь), Ларионова Е. О.,
Муравьева О. С., Рак В. Д., Чистова И. С. (руководитель проекта)

ISBN 978-5981-87375-1

9 785981 873751

© Коллектив авторов, 2009
© Издательство «Нестор-История», 2009

А

«А В НЕНАСТНЫЕ ДНИ...» (1828) — стихотворение из письма к Вяземскому от 1 сентября 1828 г. 26 июля 1828 г. Вяземский, находившийся в это время в селе Мещерском (недалеко от Пензы; ранее Вяземский сообщил Пушкину адрес: «в Пензе для доставления в село Мещерское» — XIII, 348), писал Пушкину:

«Где ты, прекрасный мой,
 где обитаешь?
Там ли, где песни поет
 князь Голицын,
Ночи певец и картежник?»

В самом деле, где ты, как ты, что ты? С самого отъезда из Петербурга не имею о тебе понятия, слышу только от Карамзиных жалобы на тебя, что ты пропал для них без вести, а несется один гул, что ты играешь не на живот, а на смерть. Правда ли? Ах! голубчик, как тебе не совестно» (XIV, 23). В ответном письме Пушкин сообщал о своем петербургском времяпрепровождении: «...я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом <следует текст>» (XIV, 26).

Летом 1828 г. Пушкин, по выражению П. А. Вяземского, «кружился в вихре петербургской жизни» (ОА. Т. 3. С. 179) в компании А. А. Оленина-младшего, Н. Д. Киселева, кн. С. Г. Голицына, А. П. Полторацкого и др. Как вспоминала впоследствии А. П. Керн, которую Пушкин просил передать стихи «А в ненастные дни...» отсутствовавшему в Петербурге Дельвигу, они были написаны в доме у кн. С. Г. Голицына «во время карточной игры, мелом на рукаве» (П. в восп. 1974. Т. 1. С. 395). По свидетельству современников, именно кн. С. Г. Голицын (1803–1868), поэт-дилетант и меломан, много общавшийся с Пушкиным в 1828-м – начале 1830-х гг., рассказал ему историю о тайне «трех счастливых карт», якобы известную ему от бабушки, кн. Н. П. Голицыной (урожд. графиня Чернышева; 1741–1837) (см.: Там же. Т. 2. С. 195). Эта история была использована Пушкиным в повести «Пиковая дама», а экспромт «А в ненастные дни...», сочиненный пятью годами ранее за игрой у Голицына и, несомненно, памя-

ный узкому кругу посвященных, взят эпиграфом к первой главе повести (он появился уже в черновом наброске первой главы с обозначением в качестве источника: «Рукописная баллада» — VIII, 834). В тексте «Пиковой дамы» второй стих, содержащий обсценную лексику, был заменен удобным для печати вариантом.

Ритмический рисунок стихотворения строится на редком у Пушкина объединении в строфе не соразмерных между собой стихов разного рода: анапесты полных стихов замыкаются двухсложными хорейскими. Этот ритмико-интонационный рисунок (в принципе, восходящий к фольклорной поэзии) в памяти Пушкина должен был связываться в первую очередь с агитационными песнями К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Ах, где те острова...» и «Ты скажи, говори...», несомненно Пушкину известными. Первую из них Пушкин цитировал в письме к брату от января — начала февраля 1824 г. (XIII, 86). Вероятно, Пушкин «просто воспользовался ее легким, веселым размером для своей шутки» (*Лернер Н. О. Заметки о Пушкине. С. 22*), которую набросал «в подражание песне Рылеева» (Томашевский. Строрифика П. С. 54).

Идентичность формы, размера и чередования стихов в песнях

Рылеева и Бестужева и в стихотворении об игроках Пушкина привела к контаминации их текстов в рукописной традиции. При первой публикации декабристских песен в вольной русской печати в 1859 г. — в пятой книжке лондонской «Полярной звезды» А. И. Герцена и Н. П. Огарева — пушкинский экспромт был также напечатан как заключительная часть объединенного текста рылеевско-бестужевских песен. Рядом пушкинстов и историков декабристского движения в 1890-х — начале 1900-х гг. либо пушкинские стихи приписывались Рылееву, либо рылеевские — Пушкину (см.: *Лернер Н. О. Заметки о Пушкине. С. 21–22*). Кроме того, формальная близость стихотворения «А в ненастные дни...» к песням «Ах, где те острова...» и «Ты скажи, говори...» провоцировала идеологизированную, политическую интерпретацию пушкинских стихов — либо как «иронического изображения дворянского общества после событий 14 декабря» (Макогоненко, П. С. 220), либо как «„сигнала“ читателям, друзьям, сосланным декабристам» (*Эйдельман Н. Я. «А в ненастные дни...». С. 206*). Такого рода превращение «домашней» поэзии в «гражданскую» не представляется, однако, достаточно корректным.

Автографы: ПД 1363 (в письме к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 г.); ПД 842, л. 17 (эпиграф к черновому наброску первой главы «Пиковой дамы»).

Датируется 1828 г. на основании письма Пушкина к Вяземскому (см. выше).

Впервые: БдЧ. 1834. Т. 2, кн. 3 (в качестве эпиграфа к первой главе «Пиковой дамы»); в составе письма впервые: СиН. 1902. Кн. 5.

Литература: *Лернер Н. О.* Заметки о Пушкине // ПиС. Вып. 16. С. 20–23; *Макогоненко, П. С.* 218–220; *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. стихотворений. [Л., 1934]. С. 509–513 (примеч. Ю. Г. Оксмана); *Эйдельман Н. Я.* 1) «А в ненастные дни...» // Звезда. 1974. № 6. С. 205–207; 2) Пушкин: Из биографии и творчества. 1826–1837. М., 1987. С. 288–296.

И. С. Чистова

АДЕЛИ («Играй, Адель...», 1821) — стихотворение мадригального типа, посвященное, по свидетельствам П. А. Плетнева (см.: Герб. С. 150, 1-я паг.) и А. О. Смирновой-Россет (см.: Смирнова-Россет. С. 97–98, 189), Адели Давыдовой (1810 – после 1882), дочери Аглаи Антоновны и Александра Львовича Давыдовых, с которой Пушкин встречался в ноябре 1820 – январе 1821 г. в Каменке, затем, возможно, в январе – феврале 1821 г. в Киеве, в конце февраля – начале марта 1821 г. и в ноябре–декабре 1822 г. в Каменке (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 250, 257, 259–261, 329, 661, 667). И. Д. Якушкин, вспоминая о своем пребывании в Каменке, писал, что у Аглаи Давыдовой «была премиленькая дочь, девочка лет двенадцати. Пушкин вообразил себе, что он в нее влюблен, беспрестанно на нее заглядывался и, подходя к ней, шутил с ней очень неловко. Однажды за обедом он сидел возле меня и, раскрасневшись, смотрел так ужасно на хорошенькую девочку, что она, бедная, не знала, что делать, и готова была заплакать; мне стало ее жалко, и я сказал Пушкину вполголоса: „Посмотрите, что вы делаете; вашими нескромными взглядами вы совершенно смутили

бедное дитя“. — „Я хочу наказать кокетку, — отвечал он, — прежде она со мной любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочет взглянуть на меня“. С большим трудом удалось мне обратить все это в шутку и заставить его улыбнуться» (*Якушкин И. Д.* Из «Записок». С. 363–364). Около того же времени предметом недолгого увлечения Пушкина была мать Адели. Еще при жизни отца Адель уехала с матерью в Париж, приняла католичество и постриглась в монахини. По воспоминаниям А. О. Смирновой-Россет, монахиней она жила в Риме, «потом в парижском Sacré Coeur: вздумала сделаться игуменьей и, наконец, к великому скандалу благородного Faubourg St.-Germain <Сен-Жерменского предместья — франц.>, бросила le froc aux ordures <монашество; букв.: забросила рясу в крапиву — франц.> и теперь неизвестно где живет с двоюродной сестрой Кити Кудашевой. Кудашева <...> архиправославная» (Смирнова-Россет. С. 189).

Существуют и иные предания об адресате стихотворения. П. И. Бартнев, ссылаясь на общую уверенность в том, что стихотворение посвящено Адели Давыдовой, указал, однако, что «в Крыму живет семей-

ство, приписывающее стихи одному из своих членов» (Бартенев. П. в южной России. С. 161). Высказывалась также гипотеза, что прототип Адели — А. П. Хованская, побочная дочь В. А. Всеволожского, находившегося в родстве с Трубецкими (см.: *Казанцев П. М.* Пушкин и Всеволожские // *Врем. ПК* 1980. С. 98–101). Автор гипотезы опирался на дневник М. П. Погодина, где 2 июня 1826 г. записано: «Чит<ал> стихи Пушкина Агр<афене> Ив<ановне Трубецкой> <...> между прочим к Адели. Это наша Сашенька, сказала она. — За обедом А<лександра> И<вановна> была в самом деле Аделью, в белом платьице. <...> Гуляя в саду, вздумал написать Адель (биографию)». Тема продолжена 3 июня: «Биография Адели кончится с семнадцатым годом, бойтесь, юноши, она является и в заключение любви, Адель, мою свирель» (*Цявловский М. А.* Пушкин по документам Погодинского архива. С. 72). Предположение П. М. Казанцева, будто «Сашенька» — это А. П. Хованская, противоречит тексту дневниковых записей По-

година и построена вне учета его биографии. В 1826 г. Погодин работал домашним учителем в семье кн. И. Д. Трубецкого и был влюблен в его дочь Александру (Сашеньку) — она и стала прототипом задуманной 2 июня 1826 г. и опубликованной в 1830 г. во многом автобиографичной повести «Адель». Записанное Погодиным замечание Агр. И. Трубецкой не следует понимать как указание на прототип стихотворения — его собеседница лишь подчеркнула сходство сестры с пушкинской Аделью.

Ведущим в стихотворении, написанном редким у Пушкина двустопным ямбом, является эпикурейско-горацианский мотив (призыв наслаждаться мгновением молодости и любви). Античная атрибутика подчеркнута условно: греческие богини радости, красоты, вечной юности («хариты») соседствуют с «Лелем», которого в конце XVIII — начале XIX в. считали славянским языческим богом любви (см., например: *Глинка Г. А.* Древняя религия славян. Митава, 1804. С. 12, 18, 70–72).

Автограф: ПД 833, л. 8 об. (беловой, с поправками).

Датируется 1821 г., предположительно около 12 апреля, по положению автографа в рабочей тетради Пушкина.

Впервые: ПЗ 1824 (с редакторским, по-видимому, заглавием «В альбом малютке»).

Литература: *Иезутова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833: (История заполнения) // ПИМ. Т. 15. С. 246; *Модзалевский Б. Л.* Пушкин и его современники: Избранные труды (1898–1928). СПб., 1999. С. 481, 484; *Смирнова-Россет.* С. 97–98, 189; *Цявловский М. А.* Пушкин по документам Погодинского архива // *ПиС.* Вып. 19–20. С. 72; *Якушкин И. Д.* Из «Записок» // П. в восп. 1974. Т. 1. С. 636–364.

М. Н. Виролайнен

АКАФИСТ ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ КАРАМЗИНОЙ

(«Земли достигнув наконец...», 1827) — стихотворение, адресованное младшей дочери Н. М. и Е. А. Карамзиных Екатерине (1806–1887). Пушкин познакомился с ней в доме ее отца, когда она была еще ребенком. В 1827 г. ей исполнился 21 год. После замужества девушки (в 1828 г. она вышла замуж за князя П. И. Мещерского) Пушкин начал бывать в ее доме; в последний год жизни поэта Екатерина Николаевна стала близким другом его семьи.

В мае 1827 г. Пушкин был постоянным гостем в петербургском доме Карамзиных. Пушкин любил всю их семью, но, возможно, Екатерина Николаевна пользовалась его особой симпатией. Под обаянием этой миловидной, приветливой девушки, отличавшейся ясным умом и кротким нравом, находились все молодые люди, ездившие к Карамзиным. Литератор и дипломат В. П. Титов, например, говорил о Е. Н. Карамзиной как об «обожаемой <...> самим Пушкиным и всеми нами...» (П. в восп. 1974. Т. 2. С. 116).

Черновой текст стихотворения Пушкин датировал 31 июля 1827 г. Помимо недавних впечатлений от встреч с Екатериной Николаевной, импульсом к созданию стихотворения могли послужить размышления Пушкина о Карамзине. В письме к Дельвигу от того же числа Пушкин, обсуждая с другом и издателем литературные дела, коснулся известия о том, что Булгарин соби-

рается печатать свои воспоминания о Карамзине: «Наше молчание о Карамзине и так неприлично; не Булгарину прерывать его. Это было б еще неприличнее» (XIII, 335). («Встреча с Карамзиным. (Из литературных воспоминаний)» Ф. В. Булгарина была опубликована в альманахе «Альбом северных муз» (1828).)

«Акафист» (от греч. *kathstos*, букв.: «несидящий») — хвалебное песнопение в честь Иисуса Христа, Богородицы или святых великомучеников, исполняемое стоя. Пушкинский образ «высокого светила», возможно, навеян текстами акафистов Богородице (ср.: Икос 11: «Радуйся, луче умного солнца. Радуйся, светило незаходимого света»). Поэт здесь возносит столь высокую хвалу обычной женщине, парадоксально сочетая церковнославянскую лексику («очес») и светски альбомные выражения («сияющей так мило» — III, 64), что превращает стихотворение в почтительный и вместе с тем шуточный мадригал. По христианской традиции люди, счастливо избежавшие гибели или болезни, украшали икону Богородицы миниатюрными подарками. Подобно тому, как спасенный от гибели в морской пучине благодарный пловец приносит своей избавительнице Деве Марии («святой владычице») некий дар, автор стихотворного послания приносит в дар адресату «простой увядший» свой «венец» (III, 64), т. е. свои стихи; в варианте чернового автографа было: «Тебе моих стихов

венец» (III, 597). В пушкинском тексте обнаруживаются отзвуки мадригала Жуковского «<В альбом Е. Н. Карамзиной>» (1818). Стихотворение Жуковского строится на типичных для романтической поэтики оппозициях: «небесное — земное»; «свет — мрак»; «цвети — увядать». В несколько измененном виде те же оппозиции присутствуют и у Пушкина: «земля — небеса»; «буря — тишина»; «венец» (некогда цветущий) — ныне «увядший». Сходными в обоих текстах оказываются и эпитеты, характеризующие адресата.

Мадригал Жуковского заключают прочувствованные строки о знаменитом отце Екатерины Николаевны. В пушкинском «Акафисте» Н. М. Карамзин не упоминается, однако не исключено, что отношение поэта к недавно

умершему историку во многом определило характер стихотворения. Строки о певце, спасенном от бурь провидением и наконец достигшем земли, прямо перекликаются с «Арионом» (1827) и вводят в мадригал подспудную тему декабрьского восстания и связанных с ним событий жизни поэта. Пушкину удалось избежать неприятностей во многом благодаря участию влиятельных друзей, в том числе и Н. М. Карамзина. Возможно, посвящая стихотворение дочери Карамзина, Пушкин тем самым косвенно выразил признательность своему неизменному заступнику.

Пушкин начал работу над «Акафистом» в Михайловском, осенью в Петербурге он доработал текст и в день именин Екатерины Николаевны — 24 ноября — вписал мадригал в ее альбом.

Автографы: на листе, вырезанном из тетр. ПД 836 (л. 19), хранился в Государственной библиотеке в Берлине, фотокопия — ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 9 (один неполный зачеркнутый стих); в тетр. ПД 836, л. 20 (черновой); бывший в альбоме Е. Н. Мещерской, фотокопия — ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 11 (беловой).

Датируется 31 июля — 24 ноября 1827 г. на основании пометы Пушкина в черновой рукописи и даты именин адресатки.

Впервые: Якушкин. № 6 (не полностью); более полно: ПиС. Вып. 15 (публ. П. Е. Щеголева).

Литература: *Иезуитова Р. В.* К истории декабристских замыслов Пушкина 1826–1827 гг. // ПИМ. Т. 11. С. 88–114; *Лернер Н. О.* Возражение Щеголеву // ПиС. Вып. 15. С. 171–174; *Модзалевский Б. Л.* Из альбомной старины // Русский библиофил. 1916. № 6. С. 74–81; *Щеголев П. Е.* 1) «Акафист» Пушкина // ПиС. Вып. 15. С. 27–33; 2) Ответ г. Лернеру // Там же. С. 176–178.

О. С. Муравьева

АКВИЛОН («Зачем ты, грозный аквилон...», 1824) — стихотворение, представляющее собой свободную лирическую обработку античного басенного сюжета, повествующего о том, как гордый дуб, кичившийся силой перед тростником, был вырван с корнем налетевшим шквалом северного ветра — аквилона, тогда как гибкая тростинка, припав к земле, сумела уцелеть во время бури. Вероятнее всего, сюжет был известен Пушкину по басне Лафонтена (La Fontaine; 1621–1695) «Дуб и тростник» («Le chêne et le roseau», 1668), широко известной и неоднократно перелавшейся на русский язык. Смысл ее составляло аллегорическое сравнение двух типов жизненной философии, подчеркивающее преимущество слабого, способного подчиниться воле обстоятельств, перед сильным, противопоставляющим им собственное могущество (подробнее см.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и Лафонтен. С. 245–246; *Иезуитова Р. В.* «Зачем ты, грозный аквилон...» С. 139–140). Пушкин использовал в стихотворении мотивы басни, однако сюжет в целом, «конкретизированный и реализованный в <...> чисто лирическом контексте», получил у него своеобразную интерпретацию (Там же. С. 140).

Стихотворение начинается обращением поэта к аквилону, который, поднимая бурю, гонит облачко «на дальний небосклон» и гнет к земле тростник. Вопрошая стихию о причинах ее гнева, поэт

вспоминает о событиях недавнего прошлого, когда небо было затянуто черными тучами и дуб «над высотой / В красе надменной величался» (II, 365). Аквилон разогнал тучи и низвергнул дуб. Упоминание о минувшей грозе мотивирует звучащий в конце стихотворения призыв к миру: аквилон сделал свое дело и должен уступить место зефиру, играющему облачком. Последний стих рисует образ тихо зыблемого ветром тростника, что образует «символически-контрастную параллель началу стихотворения» (Виноградов. Стиль П. С. 339).

Басенные истоки сюжета «Аквилона» указывают на возможное присутствие в нем второго, эзоповского плана. Это побуждает искать ключ к истолкованию стихотворения в обстоятельствах жизни поэта и политических событиях. Образ разгневанного аквилона входит в ряд метафор («гроза», «буря», «вихрь»), часто используемых Пушкиным как аллегория общественных потрясений или действий власти. Существует предположение, что, говоря о дубе, величавшемся «в красе надменной» и низвергнутом за это аквилоном, поэт имел в виду победу России над наполеоновской Францией. В пользу этого свидетельствует ряд поэтических высказываний Пушкина о военной «грозе двенадцатого года» («Была пора: наш праздник молодой...», 1836): Наполеон наделен в них эпитетом «надменный» («Наполеон», 1821), а его поражение описано как «могучее падение»

(«Наполеон на Эльбе», 1815) поверженного «в бездну» исполина («Клеветникам России», 1831). В этом контексте образ северного ветра, который разогнал черные тучи, «прошумев грозой и славой», вызывает ассоциации с фигурой Александра I, чью победу над Наполеоном Пушкин рассматривал как несомненную историческую заслугу (см.: Благой, II. С. 482).

На этом фоне новая буря, поднятая аквилоном, выглядит ненужной и бессмысленной: дуб повержен, и теперь вихрь грозит обрушить свой гнев на беспомощный тростник. Возможно, что источником подобного сюжетного поворота послужил один из эпизодов истории взаимоотношений поэта с Александром I. «Аквилон» был предположительно одним из первых поэтических произведений, написанных Пушкиным в михайловской ссылке, после того как осенью 1824 г. по распоряжению из Петербурга поэта выслали с юга, из Одессы, в псковскую деревню. Полагая ссылку незаслуженной, Пушкин надеялся на благоприятное решение своей участи, уповая на «справедливость» царя (см. письмо Л. С. Пушкину от первой половины ноября 1824 г. — XIII, 121). Призыв к благо разумию и справедливости содержит в себе и обращение поэта к аквилону, а мысль о незаконности, несправедности действий стихии подспудно подтверждается «законодательным» авторитетом басенного сюжета-источника, завершающегося спасением тростника.

Менее убедительными представляются попытки иного толкования стихотворения, основанные на недоверии к авторской датировке. При первой публикации в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» (1837. № 1) стихотворение было помечено 1824 г. Таковую же помету — «1824. Мих<айловское>» — Пушкин сделал и на единственном сохранившемся белом автографе «Аквилона», писанном 7 сентября 1830 г. в Болдине. Отсутствие более ранних автографов и каких-либо сведений о стихотворении, а также значительный период времени, прошедший между его созданием и публикацией, позволили ряду исследователей увидеть в дате «1824» намеренную мистификацию, продиктованную желанием скрыть политический подтекст сюжета. О вероятности этого как будто свидетельствует черновая запись, сделанная Пушкиным среди набросков «Путешествия Онегина» (1825–1830), где поэт расположил одну под другой первые строки двух своих стихотворений — «Аквилон» и «Арион» (1827), указав тем самым на их определенную соотношенность. Поскольку сюжет «Ариона», по-видимому, связан с обстоятельствами декабристского восстания, «Аквилон» также трактовался как аллегория событий 1825 г., а пушкинская датировка стихотворения 1824 г. (на год раньше событий 14 декабря) — как сознательный выбор поэта, желающего оградить себя от пресле-

дования властей (см.: Глебов Г. С. Об «Арионе». С. 304; Томашевский. Пушкин, II. С. 50–51; *Тынянов Ю. Н.* Пушкин. С. 241–242).

Это предположение, однако, не имеет достаточных оснований. Возможно, что причиной пушкинского сопоставления «Аквилона» и «Ариона» послужила не связь стихотворений с одним и тем же

политическим событием, а сходство их мотивики и композиции: в обоих произведениях разгул стихии, метафорически описывающий действия верховной власти, сменяется картиной озаряемого солнцем мира, в центре которой помещается счастливо переживший бурю герой (см.: Благой, II. С. 482).

Автограф: ПД 126 (беловой с поправками, переходящий в черновой).

Датируется 1824 г., после 9 августа (времени приезда Пушкина в Михайловское); окончательная обработка — 7 сентября 1830 г. в Болдине.

Впервые: ЛПРИ. 1837. № 1, 2 января.

Литература: Благой, II. С. 481–482, 694–696; Виноградов. Стиль П. С. 338–340, 407; Глебов Г. С. Об «Арионе» // П. Врем. Т. 6. С. 304; *Есинов В.* «Зачем ты, грозный аквилон...»: О стихотворениях «Аквилон» и «Арион» // Московский пушкинист. VII. М., 2000. С. 96–101, 104; *Иезутова Р. В.* «Зачем ты, грозный аквилон...»: (О судьбе одного болдинского автографа) // Пушкинский музей. СПб., 1999. Вып. 1. С. 137–143; *Майков Л. Н.* Из заметок о Пушкине. I. О стихотворениях «Туча» и «Аквилон» // РВ. 1893. № 2. С. 3–9; *Томашевский Б. В.* Пушкин и Лафонтен // П. Врем. Т. 3. С. 245–246; Томашевский. Пушкин, II. С. 50–51; *Тынянов Ю. Н.* Пушкин // Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 241–242; *Фомичев С. А.* «Так, басней правду заменя...»: (О стихотворении Пушкина «Аквилон») // Театр и литература: Сб. статей к 95-летию А. А. Гозенпуда. СПб., 2003. С. 120–128; *Ходасевич В. Ф.* Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924. С. 52; *Эткинд Е. Г.* Симметрические композиции у Пушкина. Париж, 1988. С. 35–36.

Е. В. Кардаш

АКТЕОН (1822 <?>) — неосуществленный пушкинский замысел, от которого сохранились два варианта плана на русском и французском языках («Морфей влюблен в Диану...»; «Актеон, un fat...»). Задуманный сюжет представляет собой вольное соединение двух изначально не связанных между собой античных мифов: о юном охотнике Актеоне, который, не-

чаянно увидев обнаженную богиню Диану в речном гроте во время купания, был превращен ею в оленя и растерзан собственными псами, и о влюбленности Дианы в прекрасного юношу (по одному из вариантов — пастуха) Эндимиона, по воле Зевса погруженного в волшебный сон в пещере горы Латмос в Карию. Не исключено, что Пушкин собирался обработать мифо-

логическую тему пародийно: во французском варианте плана поэт называет Актеона «фатом», а историю Дианы «скандалезной».

При первой публикации планов П. О. Морозов (АН 1900–29. Т. 3. Примеч. С. 109) предположил, что они нашли частичную реализацию в стихотворном фрагменте «В лесах Гаргафии счастливой...», написанном ориентировочно в 1822 г. Эта гипотеза положила начало традиции, в соответствии с которой в абсолютном большинстве последующих собраний сочинений Пушкина, включая Акад. (V, 154), планы и поэтический набросок объединялись под одним заглавием и рассматривались как замысел поэмы. Данная трактовка в свое время встретила возражения С. А. Венгерова, полагавшего, что «программа Пушкина представляет собою самостоятельную обработку мифологических сюжетов об Эндимионе и Актеоне» (Венг. Т. 6. С. 196). Эта мысль была поддержана Б. В. Варнеке, по словам которого «единственным, чисто внешним, основанием» для объединения указанных набросков «служит только упоминание имени Актеона» (*Варнеке Б. В. Пушкин и актеры*. С. 47). Подобная точка зрения, однако, представляется не вполне справедливой. Планы написаны на бумаге, которой поэт предположительно пользовался в 1822 г. (№ 20 по описанию Л. Б. Модзалевского и

Б. В. Томашевского — *Рукоп. П.* 1937. С. 104, 300), а на обороте листа изображен женский профиль (как принято считать — портрет К. Полихрони), который в подавляющем большинстве случаев встречается в рукописях Пушкина 1821–1822 гг. (Жуйкова. № 616–622. С. 273–275). Таким образом, «Актеон» и «В лесах Гаргафии счастливой...» достаточно близки по времени создания. Не будучи свидетельством непосредственной связи двух набросков, последнее позволяет рассматривать их как гипотетические варианты развития одной и той же темы, занимавшей Пушкина в указанный период.

Отмечалась тематическая связь «Актеона» с позднейшим стихотворным наброском Пушкина «В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера...» (1827). О Диане и Эндимионе упоминается в «Руслане и Людмиле» (1817; «В молчаньи дева перед ним / Стоит недвижно, бездыханна, / Как лицемерная Диана / Пред милым пастырем своим» — IV, 55).

Б. В. Варнеке предлагал рассматривать планы «Актеона» как черновой набросок балетной программы, по содержанию родственной сюжетам балетов Шарля Луи Дидло (Didelot; 1767–1837), известного европейского балетмейстера, в начале XIX в. работавшего в Петербурге (см.: *Варнеке Б. В. Пушкин и актеры*. С. 47–48).

Автограф: ПД 263 (беловой с поправками).

Датируется предположительно 1822 г., по типу бумаги (см. выше).

Впервые: АН 1899. Т. 3. Примеч.

Литература: Варнеке Б. В. Пушкин и актеры // Пушкин: Статьи и материалы. Одесса, 1926. Вып. 2. С. 47–48; Томашевский Б. В. Незавершенные кишиневские замыслы Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы: Тр. 3-й Всесоюзной пушкинской конф. М.; Л., 1953. С. 203; Эльяш Н. И. Пушкин и балетный театр. М., 1970. С. 53–54.

Е. В. Кардаш

АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ (1836) — одна из наиболее значительных критико-публицистических статей Пушкина 1830-х гг., представляющая собой биографию Александра Николаевича Радищева (1749–1802) с попыткой дать очерк его духовного развития. Центральной частью статьи является эпизод публикации «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) и последующего политического преследования Радищева (с приложением документов).

Статья Пушкина относится к числу первых опытов биографии Радищева. Доступные Пушкину печатные источники были немногочисленны. Ему еще не был известен четвертый том «Словаря достопамятных людей» Д. Н. Бантыша-Каменского (1836) со статьей о Радищеве (с. 258–264; где был, в частности, сообщен год рождения писателя, указанный Пушкиным приблизительно («около 1750 г.»)). Не был он знаком и с хранившейся у П. А. Вяземского рукописной биографией писателя, составленной его сыном Николаем (1778–1829). Одним из основных его источников, помимо «Путешествия из Петербурга в Москву»,

было «Собрание оставшихся сочинений...» Радищева (Ч. I–VI), изданное Н. А. и П. А. Радищевыми в 1807–1811 гг. (имелось в библиотеке Пушкина, см.: Библиотека П. № 309); в него входили упоминаемые или цитируемые Пушкиным сочинения: «Житие Федора Васильевича Ушакова» (1789), «О человеке, о его смертности и бессмертии» (1792–1796), стихотворение «Осьмнадцатое столетие» (1801), поэма «Бова» (1799–1802(?)), известная Пушкину еще в Лицее. (Поэма «Алеша Попович» (1801), не включенная в это собрание, с точки зрения Пушкина ошибочно, принадлежит не А. Н., а Н. А. Радищеву.) Указы о суде над Радищевым были почерпнуты Пушкиным из Полного собрания законов; письма по этому поводу Екатерины II к графу Я. А. Брюсу — из книги «Переписка императрицы Екатерины II с разными особами» (СПб., 1807; имелась в библиотеке Пушкина, см.: Библиотека П. № 282; эти тексты в книге отчеркнуты). Из неизданных письменных источников Пушкин ссылается на дневники А. В. Храповицкого (копия была получена им от П. П. Свиньина при письме

от 19 февраля 1833 г. — XV, 48; отрывки печатались Свиньиным в «Отечественных записках»), записки кн. Е. Р. Дашковой (копия хранилась у П. А. Вяземского; выписку из нее Пушкина о Радищеве и Ушакове см.: Рукою П. 1997. С. 562–566). Наконец, Пушкин вспоминает о неизданной переписке Радищева «с одним из тогдашних вельмож, который, может быть, не вовсе был чужд изданию „Путешествия“» (XII, 33), т. е. с гр. А. Р. Воронцовым, начальником Радищева по службе в коммерц-коллегии; возможно, Пушкин видел эти письма в библиотеке М. С. Воронцова в Одессе.

Особую группу источников составляют устные сведения, полученные Пушкиным от современников и знакомых Радищева. По-видимому, одним из них был Н. М. Карамзин, на разговор с которым в 1819 г. (может быть, непосредственно с Радищевым не связанный) Пушкин ссылается в эпиграфе. Карамзин, по-видимому, не был знаком с самим Радищевым, но хорошо знал его ближайшего друга А. М. Кутузова, которому посвящено «Путешествие из Петербурга в Москву». Разговоры о Радищеве очень вероятны как раз в 1819 г., когда в Петербург приехал П. А. Вяземский, специально интересовавшийся в это время биографией Радищева (январь – начало февраля 1819 г.). Возможно, какие-то сведения о нем Пушкин получал и от братьев Тургеневых — Александра Ивановича

и, в особенности, Николая Ивановича, внимательно читавшего «Путешествие из Петербурга в Москву». Сведения о масонстве Радищева и его тесной связи с кругом «мартинистов» (исторически недостоверные) Пушкин мог почерпнуть несколько позднее, уже на юге, от литератора и масона С. А. Тучкова, казначея масонской ложи «Овидий», в которую входил и Пушкин. Самая характеристика «мартинистов» и их общества опирается отчасти и на собственные впечатления Пушкина от общения с И. Н. Инзовым и др.; о Н. И. Новикове и его деятельности в своем кругу рассказывал Карамзин (см.: Лет. ГЛМ. С. 545–546), от него же (и от братьев Тургеневых) Пушкин мог слышать о преследованиях масонов в 1790-х гг. и, в частности, о той роли, которую играл в них московский главнокомандующий, сенатор А. А. Прозоровский (намек на него иногда видят в упоминании Пушкина о «людях, находивших свою выгоду в коварном злословии», которые пытались представить мартинистов «заговорщиками» (XII, 32); текстуально близкие характеристики Прозоровского содержатся, в частности, в масонской переписке 1790-х гг.). В черновых набросках к статье есть прямая ссылка на рассказ И. И. Дмитриева о том, как он услышал о «Путешествии...» от О. П. Козодавлева (соученика Радищева по Лейпцигу) в доме Г. Р. Державина (XII, 352); в тех же записях перечислены фамилии других однокашников Ра-

дищева и передан рассказ о доносе Державина на Радищева. Сведения о службе Радищева в Комиссии составления законов (1801–1802) могли быть получены Пушкиным от М. М. Сперанского, служившего в той же комиссии; «Проект гражданского уложения» Радищева, как записывал П. И. Баргнев со слов Д. Н. Блудова, «доставлен был Пушкину или только об нем сообщил Пушкину Блудов, который сам читал его» (Лет. ГЛМ. С. 546).

При такой ограниченности фактических материалов статья Пушкина не была свободна от неточностей. На некоторые из них указал в своих замечаниях сын писателя П. А. Радищев (см. ниже). Так, неверно указание Пушкина, что Екатерина II знала Радищева лично и определила в собственную канцелярию; что «Путешествие...» создавалось под влиянием мартинистов, в общество которых якобы попал Радищев; что император Павел I, вызвав Радищева из ссылки, вернул ему чины и дворянское достоинство, разрешив жить в Петербурге и взяв с него слово не писать против правительства. (В действительности Радищев не был принят императором и получил разрешение жить только в своем имении, выезд из которого был ему запрещен; он получил свободу по указу императора Александра I от 17 марта 1801 г. об освобождении лиц, содержащихся по ведомству Тайной экспедиции; 1 апреля ему были возвращены чин и дворянство (*Радищев П. А.* Александр Ни-

колаевич Радищев. По воспоминаниям сына // РВ. 1858. Т. 18, кн. 1. С. 416–417, 422, 429, 431). Категорически отрицал П. А. Радищев и пушкинскую версию самоубийства Радищева. Биографическое предание, сохраненное Пушкиным, в современной литературе подтверждения не находит, хотя обстоятельства смерти Радищева во многом остаются неясными (свод материалов см.: *Бабкин Д. С. А. Н. Радищев: Литературно-общественная деятельность.* М.; Л., 1966. С. 262–264). Среди современников, в том числе знавших Радищева (Н. С. Ильинский, И. М. Борн), слух о самоубийстве писателя получил распространение; по предположению Ю. М. Лотмана, он отразился в статьях Карамзина 1802 г. и, возможно, оказал влияние на биографическую концепцию Пушкина (*Лотман Ю. М.* Источники сведений Пушкина о Радищеве (1819–1822). С. 772–780). Можно думать, однако, что некоторые из этих отклонений были обусловлены проводимой в статье трактовкой личности Радищева.

Проблематику, замысел и концепцию статьи «Александр Радищев» возможно очертить лишь гипотетически. Генетически она связана с «Путешествием из Москвы в Петербург», но совершенно автономна и отличается от последней по жанру, идее и установке. Из нее исключены разбор книги Радищева по существу ее проблематики; цель статьи — дать социально-психологический порт-

рет и концептуальную биографию самого Радищева, объединив в ней как индивидуальные черты его личности, так и типовые признаки вольнодумства и революционности русского XVIII в., какими они представлялись Пушкину в 1830-е гг.

Наследие и личность Радищева интересовали Пушкина начиная с лицейского времени, и в особенности в 1817-м – начале 1820-х гг. В либеральных и радикальных кругах антиправительственное и антикрепостническое выступление Радищева рассматривалось как символический гражданский акт; Вяземский писал в 1818 г. Воейкову: «У нас обыкновенно человек невидим за писателем. В Радищеве напротив: писатель приходится по плечу, а человек его головою выше. О таких людях приятно писать, потому что мыслить можно» (цит. по: *Лотман Ю. М. Источники сведений Пушкина о Радищеве (1819–1822)*. С. 769). Отсюда специальный интерес Вяземского именно к биографии Радищева.

Оживление интереса Пушкина к книге и личности Радищева в 1833–1836 гг. стоит в прямой связи с революционными событиями в Европе (Июльская революция 1830 г. во Франции), польским восстанием 1830–1831 гг. и новой волной крестьянского движения в России. Проблема «русского бунта» соотносится им и с декабрьскими событиями 1825 г. (отсюда специально интересовавшая его тема участия дворян в крестьянских восстани-

ях, поставленная в «Дубровском» и «Капитанской дочке»). С начала 1830-х гг. Пушкин усиленно занимается историей Французской революции 1789 г. и начинает работу над «Историей Пугачева». В сфере его размышлений и социальные последствия европейских революций, приведших к становлению буржуазных отношений, «царства денег», которое Пушкин оценивал резко отрицательно. Сквозь призму своего позднего исторического опыта Пушкин читает и «Путешествие из Петербурга в Москву», заново анализируя как проблемы, поставленные Радищевым, так и его выводы. Биография автора была средством осмыслить самые истоки его мировоззренческой позиции. Отсюда типологическая характеристика Радищева в «Александре Радищеве».

Индивидуальные черты биографии Радищева также приобретали для Пушкина особый смысл: они позволяли поставить проблему социального поведения писателя в обществе (в первую очередь – в русском самодержавном государстве), где на первый план выдвигались моральные личностные качества: независимость и «честность», которые для Пушкина в это время во многом определяли общественную роль и даже историческое значение писателя. Эта проблема проходит как лейтмотив в ряде критико-публицистических статей Пушкина 1826-го – 1830-х гг. (характеристика «Истории государства Российского» как «подвига честного человека»

(XI, 57), повторенная затем в «Последнем из свойственников Иоанны д'Арк» в применении к Р. Саути (1836–1837; XII, 155); подчеркивание независимости Дж. Крабба, Дж. Мильтона, Ф. Шатобриана и в противовес — отсутствия «независимости и самоуважения» у великого Вольтера — ср.: «Вольтер» (1836; XII, 81). Радищев был едва ли не самым ярким примером независимости русского писателя XVIII в.

Есть основания думать, что определяющую роль в предыстории «Александра Радищева» сыграла книга П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине», прочитанная Пушкиным в рукописи в 1832 г. (к этому времени относятся и пометы Пушкина на рукописи) и бывшая у него в руках в 1836 г. В книге Вяземский затрагивал существенные вопросы общественной и литературной жизни XVIII в.; многие из них вызвали одобрительные или полемические маргиналии Пушкина и отразились в «Александре Радищеве» (общая характеристика «века Екатерины», полемически идеализированного в сравнении с современностью; «полупросвещенность» русского дворянства; оппозиционные конституционные проекты Фонвизина, вызвавшие недовольство Екатерины; проблема революций и органического развития общества и др.). Прямое сопоставление Фонвизина и Радищева как представителей оппози-

ционной литературы XVIII в. есть в планах статьи Пушкина 1834 г. «О ничтожестве литературы русской». Наконец, в 1836 г. перед глазами Пушкина был яркий пример гражданского поступка писателя — стала известна записка Н. М. Карамзина «О древней и новой России...» (1811) с резкой критикой правительственной политики, поданная Александру I в 1811 г.; Пушкин расценивал его как почти символический акт («величие государя и благородство патриота» — «Российская Академия» (1836; XII, 45)).

В «Александре Радищеве» все эти проблемы уложены в единую социально-историческую и отчасти художественную концепцию, в которой исторические факты соседствуют с биографическим преданием (что характерно и для других исторических работ Пушкина). Концепция эта проецирована на современность, что в ряде случаев приводит к переинтерпретации и иногда к деформации исторического источника. Так, «Житие Ф. В. Ушакова» служит Пушкину материалом для построения типового образа «представителя полупросвещения»; акцент поставлен на автобиографических эпизодах и признаниях, свидетельствующих о «шалостях», «вольнодумстве» и даже разгуле студентов (ср. упоминание о болезни Ушакова как следствии «неумеренности и злоупотреблении телесных услаждений» — *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 160), пре-

небрежении занятиями («мы не столько помышлять начали о нашем учении, как о способах освободиться» от «несносного ига» наставника — Там же. С. 168; ср. также упоминание о «малом знании» немецкого языка, не позволявшем студентам слушать лекции Геллерта, — Там же. С. 180). На этом фоне Пушкин рассматривает увлечение русских студентов книгой Гельвеция «Об уме», строя из отдельных характеристик обобщенный образ и перенося его на личность Радищева. Очевидно типологический и современный смысл имеет общее описание «представителя полупросвещения» («невежественное презрение ко всему прошедшему; слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне; частные поверхностные сведения, наобум приуровненные ко всему» — XII, 36); он не вытекает из статьи «Александр Радищев», но текстуально совпадает с полемическими отзывами Пушкина о Н. А. Полевом (в черновой рукописи далее следует: «Отымите у него честность, в остатке будет Полевой» — XII, 355). Результатом «полупросвещения» для Пушкина является неорганическое усвоение («в нескладном, искаженном виде») учений французских просветителей (Вольтера, Дидро, Рейналя) и Ж.-Ж. Руссо, но и последовательно просветительская точка зрения, перенесенная на русскую общественную жизнь, в это время для Пушкина неприемлема. С этим связана отрицательная

оценка Пушкиным Радищева как политического писателя.

Совершенно иначе Пушкин оценивает гражданское поведение Радищева. Избранный им угол зрения подчеркнут эпитафией: «Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu. <Не должно быть так, чтобы честный человек заслужил повешение — франц.> Слова Карамзина в 1819 году»; эти слова Вяземский вспоминал в связи со следствием и судом над декабристами (различные интерпретации эпитафии см.: Пушкин в письмах Карамзинных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960. С. 14–15; Лотман Ю. М. Источники сведений Пушкина о Радищеве (1819–1822). С. 767–768; Оксман Ю. Г. Пушкин — литературный критик и публицист. С. 508; Вацура, Гиллельсон. С. 105–106).

Биография и политические идеи Радищева предстают в статье Пушкина как система контрастных противопоставлений («Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, держит вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины! <...> ...не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным; политического фанатика, заблуждающегося конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарской совестью» — XII, 32–33). Вся биография Радищева в изложении Пушкина оказывается подчиненной нравственному императиву, при-

водящему его к филантропическим исканиям масонов (обрисованных у Пушкина с явным сочувствием), к «безумному», самоубийственному акту публикации «Путешествия...», направленного против верховной власти, к естественной, органической переоценке ценностей под влиянием событий Французской революции («Мог ли чувствительный и пылкий Радищев <...> без омерзения глубокого слышать некогда любимые свои мысли, проповедаемые с высоты гильотины, при гнусных рукоплесканиях черни? Увлеченный однажды львиным ревом колоссального Мирабо, он уже не хотел сделаться поклонником Робеспьера, этого сентиментального тигра» — XII, 34), наконец, к последнему, трагическому эпизоду его биографии (законодательный проект с «прежними мечтаниями», представленный в комиссию составления законов при Александре I, вызвавший дружеское замечание графа Завадовского с напоминанием о сибирской ссылке). Самоубийство Радищева, вызванное, по Пушкину, мнительностью писателя, при всем том остается героическим концом его жизненной драмы. В этой сцене ясно проявляется художественное начало биографии. Пушкин связывает гибель Радищева с воспоминаниями о Ф. В. Ушакове, «подавшем ему первую мысль о самоубийстве»; однако «Житие» Ушакова рассматривает самоубийство как вынужденный акт избавления безнадежно больного от предсмертных

страданий. Самоубийство Радищева в «Александре Радищеве» — добровольный уход из жизни, «конец, им давно предвиденный» (XII, 34), последнее самоутверждение свободной личности.

Некоторые ключевые эпизоды биографии Радищева проецированы Пушкиным на его собственную судьбу. Так, упоминание об обещании его Павлу I «не писать ничего противного духу правительства» (XII, 33–34) повторяет требование Бенкендорфа Пушкину в 1826 г. и ассоциируется также с положением Карамзина, вынужденного при печатании «Истории...» соблюдать требования «всевозможной скромности и умеренности» (XII, 306). В черновиках «Памятника» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», 1836) Пушкин прямо закрепил ассоциацию между Радищевым и собой («Вослед Радищеву восславил я свободу...»). Несомненно также данная в статье имплицитно ассоциация «Радищев — Карамзин», с сопоставлением, а затем и противопоставлением двух типов социального поведения независимого писателя.

В конце статьи Пушкин дает краткую характеристику литературной деятельности Радищева, особенно выделяя стихотворение «Осьмнадцатое столетие».

Статья предназначалась Пушкиным для третьего тома «Современника», закончена вчерне 3 апреля и в середине июля 1836 г. в числе других материалов была передана в цензуру. 16 июля цен-

зор А. Л. Крылов представил о ней донесение председателю Санкт-петербургского цензурного комитета кн. М. А. Дондукову-Корсакову, предлагая передать статью в Главное управление цензуры, что и было сделано в августе 1836 г.; в сопроводительном письме указывалось, что цензор, «не зная, в какой степени может быть допущено в периодическом издании возобновление сведений о таком лице и происшествии, которому в настоящее время есть еще много современников», и, с другой стороны, полагая, что некоторые сведения в статье «должны быть заимствованы из официальных бумаг», испрашивал разрешения Главного управления цензуры. 24 августа статья была представлена министру просвещения С. С. Уварову, наложившему резолюцию: «Статья по себе недурна и с некоторыми изменениями могла бы быть пропущена. Между тем я нахожу неудобным и совершенно излишним возобновлять память о писателе и книге, совершенно забытых и достойных забвения». Запрещенная рукопись, в соответствии с цензурным уставом, оставалась при делах комитета, однако Пушкин просил о ее возвращении и получил разрешение; в конце сентября 1836 г. он получил рукопись обратно (см.: Пушкин. Письма последних лет. Л., 1969. С. 150–151, 322, 324–325). Вторично статья проходила цензуру Уварова в 1840 г. при подготовке посмертного собрания сочинений Пушкина и снова была запреще-

на им с резолюцией: «по многим заключающимся в ней местам напечатана быть не может». Статья была разрешена к печати только в 1857 г. для седьмого (дополнительного) тома издания П. В. Анненкова на основании обширного заключения цензора И. А. Гончарова; Гончаров настаивал на издании наследия Пушкина без цензурных купюр; статью «Александр Радищев» он считал утратившей актуальность и имеющей лишь историческое и литературное значение. Мнение Гончарова было поддержано Н. Ф. Щербиной, тогда чиновником особых поручений при товарище министра народного просвещения П. А. Вяземском (докладная записка 23 мая 1857 г.). В издании Анненкова статья появилась без цензурных изменений.

В «Александре Радищеве» отразились наиболее существенные стороны общественной позиции Пушкина 1830-х гг., наложившие отпечаток на ее тональность и систему оценок. Одна из них — неприятие наступающего буржуазного века, создающего, с точки зрения Пушкина, новые и часто более жестокие, чем раньше, формы социально-экономического угнетения, разрушающего традиционные формы общезития и самые основы морали (ср. «Джон Теннер»). Отсюда резкость критики идеологов буржуазных революций, в том числе французских просветителей XVIII в. и Н. Полевого в России, и особая острота полемики с социальными «мечта-

ниями» Радищева. С этим связана и полемическая идеализация «века Екатерины», противопоставленного современности. Такая позиция, несомненно, была отмечена чертами консерватизма, как и утопическая программа воздействия на правительство со стороны просвещенного дворянства, в осуществлении которой Пушкин уже начал сомневаться (что показывают черновики статьи «Александр Радищев»). Эта программа предопределила критику Пушкиным социальной тактики Радищева (мысли Радищева «принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностью и благоволением» — XII, 36). Запрещение «Александра Радищева», а затем и подготовленной Пушкиным для «Современника» записки Карамзина «О древней и новой России...» было последним для Пушкина свидетельством иллюзорности этих программ.

Публикация статьи «Александр Радищев» открыла целый этап в истории изучения Радищева, вызвав многочисленные отклики, правда более всего полемические. При публикации П. В. Анненков оценил ее как «дельную и строгую» (Анн. Т. 7. С. 3–4, 2-я паг.), отражающую «консервативную теорию», сложившуюся у Пушкина в 1830-е гг. (Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки. Отд. 3. СПб., 1881. С. 253–254). Резко возражал Анненкову Н. А. Добролюбов, находивший статью «поверхностной и пристрастной», исполненной внутренних противоречий, происходящих от «ложной» и «неопределенной» основной идеи (Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 317–321). В отзыве Добролюбова выразилось общее неприятие

революционными демократами поздней позиции Пушкина, которую они, подобно Анненкову, рассматривали как консервативную. С решительной критикой статьи Пушкина выступил и сын Радищева Павел Александрович (1783–1866); он указывал на фактические неточности, необъективность суждений и «ложный свет и странный, трудно объяснимый взгляд» Пушкина на личность отца (Радищев П. А. Александр Николаевич Радищев. С. 432). Осудил пушкинскую статью и А. И. Герцен, как «не делающую особенной чести поэту»; Герцен, однако, высказал предположение, что Пушкин «перехитрил ее из цензурных видов» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. 13. С. 278). Это допущение принял М. И. Сухомлинов (1889), опубликовавший целый комплекс материалов по цензурной истории «Александра Радищева». Сухомлинов указал и на более широкий литературный контекст статьи, где полемика ведется и с современными литературными противниками, в частности Н. А. Полевым. Однако поворотным пунктом в изучении «Александра Радищева» стала работа В. Е. Якушкина «Радищев и Пушкин» (1885). Якушкин доказывал, что общественные взгляды Пушкина 1820-х гг. в 1830-е гг. не претерпели существенных изменений, равно как и его положительное отношение к Радищеву, — однако поэт был вынужден проводить их в завуалированных формах эзопова языка. Цель статьи «Александр Радищев», согласно Якушкину, — воскресить память о Радищеве и даже пропагандировать его идеи; нападки же на Радищева в ней — «лишь ширмы, прикрывающие противоположный смысл» (Якушкин В. Е. О Пушкине. С. 31). Последующие трактовки статьи (В. И. Семевского, П. А. Ефремова, П. О. Морозова, А. Л. Слонимского и др.) учитывали или прямо воспринимали точку зрения Якушкина, несмотря на высказывавшиеся сомнения (А. Н. Пыпин) или возражения (В. Д. Спасович и др.). Обстоятельной критике гипотеза Якушкина

была подвергнута в работе П. Н. Сакулина «Пушкин и Радищев» (1920), где была дана и подробная историография проблемы. Сакулин отрицал самое наличие эзопова языка в «Александре Радищеве», справедливо относя его к плану выражения, а не содержания (что вынуждены были допускать сторонники гипотезы Якушкина); ни в одном из известных нам произведений Пушкина иносказание не приводит к изменению смысла. Сакулин приводил параллели из других произведений Пушкина 1830-х гг., устанавливая близость их к «Александру Радищеву» в характеристике декабристов (ср. «Записку о народном воспитании», 1826), оценках бунта (в «Истории Пугачева», «Капитанской дочке», «Медном всаднике», где он находил и общность проблематики с «Александром Радищевым»), в отношении к французской философии XVIII в., в суждениях о степени просвещенности русского общества («Роман в письмах», наброски повестей начала 1830-х гг.). Согласно Сакулину, статья «Александр Радищев» вписывается в систему социально-политических взглядов Пушкина, претерпевших эволюцию с 1820-х гг., с их основной чертой — историческим мышлением (специальное внимание Сакулин уделяет поздним отзывам Пушкина о Карамзине и записке последнего «О древней и новой России...», которая является как бы «противовесом» «Путешествию...» Радищева, — см.: Сакулин П. Н. Пушкин и Радищев. С. 56).

Автографы: ПД 1117 (беловой, с поправками); ПД 1118 (писарская копия с поправками Пушкина)

Датируется мартом — первой половиной июля 1836 г. (датировка в Акад. — «март — август» — должна быть сужена на основании донесения А. Л. Крылова, датированного 16 июля, — см. выше).

Впервые: Анн. Т. 7.

Литература: Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями / Подгот. текста, статья и примеч. Д. С. Бабкина. М.; Л., 1959. С. 102–110; Вацуро, Гиллельсон. С. 103–108; Гиллельсон М. И. Пушкин и «Записки» Е. Р. Дашковой // Прометей. М., 1974. Т. 10. С. 140–141; Еремин М. П. Пушкин публицист. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976. С. 360–370 (1-е изд. — 1963); Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная

Точка зрения Сакулина была поддержана В. П. Семенниковым («Радищев и Пушкин», 1923), исследовавшим статью Пушкина как факт радищевской историографии. Вслед за Сакулиным он видел в Пушкине 1830-х гг. противника политических идей Радищева, считая уступкой цензуре лишь полемическую запальчивость тона. Тем не менее к концу 1920-х гг. воскрешается точка зрения Якушкина: развернутые возражения Сакулину содержатся в обширных примечаниях Н. К. Козмина к вышедшему в 1929 г. девятому тому академического издания Пушкина (АН 1900–29). Две укрепившиеся в литературе противоположные точки зрения («якушкинская» и «сакулинская») во многом определяют и современное состояние вопроса. Доминанта первой из них характерна для пушкиноведения 1940-х — начала 1960-х гг. (Н. Л. Степанов, В. Н. Орлов, Ю. Г. Оксман, М. П. Еремин). Особое внимание исследователей было обращено на анализ форм и приемов эзопова языка Пушкина. Точку зрения Сакулина (также с соответствующими модификациями) развивают работы Г. П. Макогоненко (1939), В. Э. Вацуро (1968, 1972), В. В. Пугачева (1966, 1992). Свообразный аспект темы вырисовывается в работе Ю. В. Стенника (1995): он обращает внимание на сложность идеологической позиции самого Радищева, обозначая не замеченные ранее точки соприкосновения ее с пушкинской.

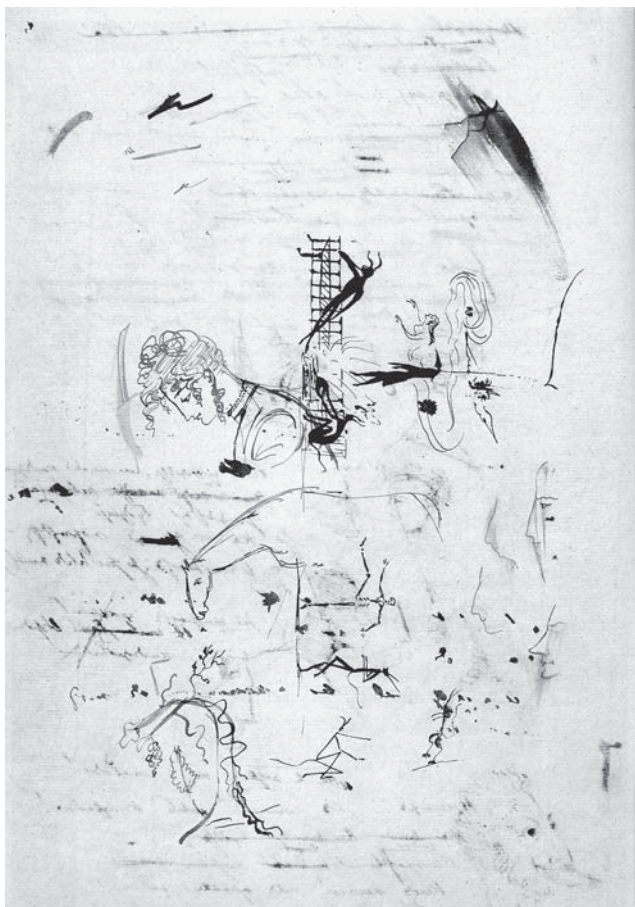
мысль обретает свободу: 175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева. М., 1966. С. 197–205; [Козмин Н. К.] Примечания к историко-литературным, критическим, публицистическим и полемическим статьям и заметкам // АН. 1900–29. Т. 9, кн. 2. С. 710–759; Кукунов А. М. Проблема «Пушкин и Радищев» в дореволюционном и советском пушкиноведении // Уч. зап. Мордовского гос. университета. Саранск, 1962. № 21. Сер. литературоведения. С. 27–87; Лотман Ю. М. Источники сведений Пушкина о Радищеве (1819–1822) // Лотман. Пушкин. С. 765–785; Лузянина Л. Н. К проблеме жанрового своеобразия статьи А. С. Пушкина «Александр Радищев» // Жанры в историко-литературном процессе. Вологда, 1985. С. 36–45; Макогоненко Г. П. 1) Пушкин и Радищев // Уч. зап. ЛГУ. № 33. Сер. филол. наук. Вып. 2. Л., 1939. С. 130–132; 2) Учение Радищева об активном человеке и Пушкин // Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской литературы. М.; Л., 1966. С. 345–352 (XVIII век. Сб. 7); Мальцев М. И. Пушкин и Радищев: Пособие по спецкурсу. Чебоксары, 1970 (в вых. данных — 1971). Вып. 3. С. 40–51; Мильчина В. А. Французская литература в произведениях А. С. Пушкина 1830-х гг. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46, № 3. С. 244; Немировский И. В. Статья А. С. Пушкина «Александр Радищев» и общественная борьба 1801–1802 годов // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 123–134; Николукин А. Н. Литературные связи России и США: Становление литературных контактов. Л., 1981. С. 235–236; Новонайденный автограф Пушкина: Заметки на рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» / Подгот. текста, ст. и коммент. В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсона. М.; Л., 1968. С. 87–105; Оксман Ю. Г. Пушкин — литературный критик и публицист. (Примеч. к статье «Александр Радищев») // Госл. в 10 т. Т. 6. С. 441–469; Орлов В. Н. Радищев и русская литература. 2-е изд., доп. Л., 1952. С. 178–185; Пугачев В. В. 1) Пушкин и Радищев: К истолкованию статьи «Александр Радищев» // Уч. зап. Горьковского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Горький, 1966. Вып. 78. Сер. ист.-филол. С. 647–651; 2) Пушкин, Радищев и Карамзин. Саратов, 1992. С. 3–15; Сакулин П. Н. Пушкин и Радищев: Новое решение старого вопроса. М., 1920; Семенников В. П. Радищев. Очерки и исследования. М.; Пг., 1923. С. 241–318; Сквозников В. Д. Границы пушкинского стиля // Типология стиливого развития нового времени. М., 1976. С. 151–166; Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб., 1995. С. 324–340; Степанов Н. Л. Пушкин и Радищев // А. С. Пушкин: Материалы юбилейных торжеств. 1799–1949. М.; Л., 1951. С. 136–138; Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 642–654; Урнов Д. М. Пушкин и американская литература // Творчество А. С. Пушкина: Материалы советско-американского симпозиума в Москве. Июнь 1984 г. М., 1985. С. 81–93; Эткинд Е. Г. «Союз ума и фурий»: (Пушкинские мятежники) // Россия/Russia. 1987. № 5. С. 78–79; Якушкин В. Е. О Пушкине. М., 1899. С. 3–68.

В. Э. Вацуро

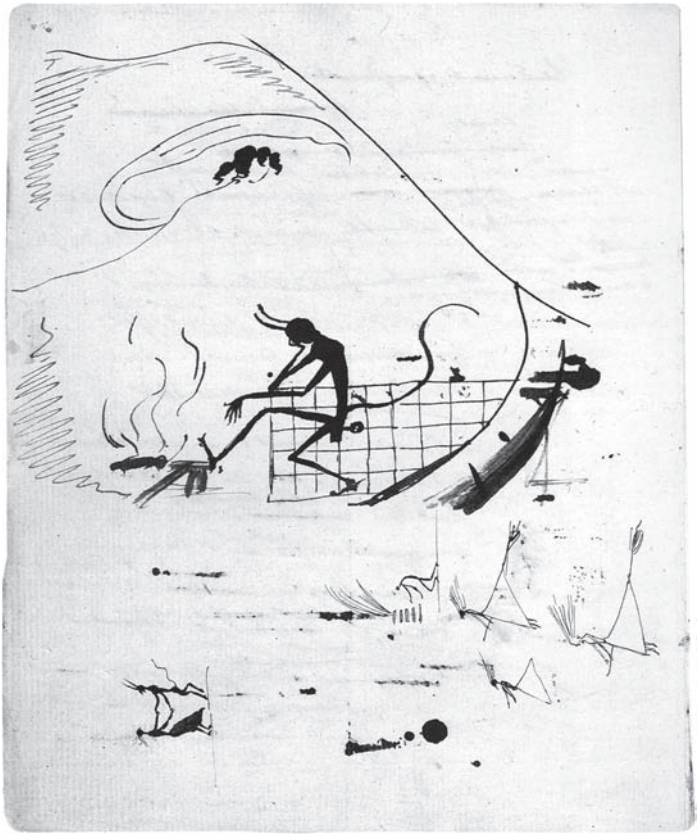
АЛЕКСЕЕВУ («Мой милый, как несправедливы...», 1821) — дружеское послание, обращенное к Николаю Степановичу Алексееву

(1789–1850), кишиневскому знакомому Пушкина. Алексеев состоял чиновником особых поручений при генерале И. Н. Инзове. «Ревнивые

Автоиллюстрации

«Влюбленный бес». 1823

«Влюбленный бес». 1821

Жанровая сцена. 1819